

ЭХО МИРОВ

Эхо миров

Айнагуль Рабаева

Эхо миров

«Автор»

2026

Рабаева А.

Эхо миров / А. Рабаева — «Автор», 2026 — (Эхо миров)

Фантастическая история о скрытой стороне реальности, где привычный мир оказывается лишь тонкой оболочкой для древних сил и незримых войн. Обычный школьник внезапно сталкивается с тем, чего не видят другие, и оказывается втянутым в конфликт, который затрагивает не только людей, но и сами законы пространства, времени и жизни. Магия, тайные организации, существа из иных миров и выбор, от которого невозможно уклониться — всё это постепенно раскрывается, заставляя героя сомневаться в природе силы, наставников и даже самого себя.

© Рабаева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Начало	5
Глава 1: Кто они такие?	6
Глава 2: Тени города	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Эхо миров

Начало

Вечернее солнце клонилось к закату, заливая город Баянорда золотистым светом. По дороге домой шел шестнадцатилетний Думан — обычный школьник, в ушах которого гремела музыка, заглушающая городской шум.

Внезапно он почувствовал странный низкочастотный гул, идущий отовсюду — из земли, из воздуха, изнутри его собственных костей. Думан снял наушники, но гул не исчез. Он огляделся: прохожие спешили по своим делам, никто ничего не замечал.

Тогда он поднял голову.

Над городом, заслоняя солнце, парил огромный объект. Его контуры дрожали, словно смазанные дымкой, формы были неестественными, вывернутыми, чуждыми. Объект бесшумно двигался, поглощая и преломляя свет.

Самым страшным было то, что никто, кроме Думана, его не видел. Люди продолжали идти, говорить, смеяться, будто над ними не нависало нечто невообразимое.

Побуждаемый инстинктом, Думан свернул с привычного маршрута и побежал за объектом — прочь от города, в сторону гор, поросших лесом. Гул становился все явственнее. Тропа вывела его на скалистый выступ, откуда открывался вид на долину.

В центре долины покоился Корабль. Матово-черный, идеально гладкий, без единого шва, он словно дышал, меняя оттенки. Воздух вокруг него светился болезненно-фиолетовым. Корабль стоял на крыше полуразрушенного древнего здания, встроенного в скалу — симбиоз непостижимых технологий и окаменевшей истории.

Страх боролся в Думане с жадным любопытством. Он начал спускаться к зданию. И когда он почти достиг входа, из-за угла бесшумно выскользнули две фигуры.

Высокие, под два метра, в обтягивающих черных комбинезонах. Их лица были вытянутыми, с огромными абсолютно черными глазами без зрачков, едва заметными впадинами вместо носа и тонкой щелью рта. Они не шли — они скользили над землей, не сгибая ног.

Паника ударила в виски. Думан рванул обратно к склону, но существа гнали его не к выходу, а к другому проему в скале — узкому черному лазу. С одной стороны — преследователи, с другой — отвесная стена. Они были в десяти шагах, их черные глаза уже готовы были поглотить его.

С последним вздохом отчаяния Думан прыгнул в непроглядный мрак.

Глава 1: Кто они такие?

Падение оказалось недолгим и завершилось грубым приземлением на груды чего-то сыпучего и холодного. Пыль взметнулась облаком, забив нос и рот. Думан, подавив кашель, мгновенно вскочил на ноги, прижимаясь спиной к шершавой, ледяной поверхности стены. Глаза, расширенные ужасом и адреналином, безуспешно пытались пронзить темноту. Она была густой, почти осязаемой, и лишь вдалеке, сквозь дыру в разрушенном куполе, лился слабый, пепельный свет умирающего дня, выхватывая из мрака невероятные вещи.

Сначала — тишина. Та же мертвая, давящая тишина, что была снаружи, но здесь, в замкнутом пространстве, она звенела в ушах. Думан слышал только бешеный стук собственного сердца, громкий, как барабанная дробь в склепе, и прерывистое, свистящее дыхание. Он зажмурился на секунду, пытаясь успокоиться. «Это сон. Кошмар. Сейчас открою глаза — и будет моя комната, потолок...» Он открыл. Перед ним по-прежнему простирался зал руин, и его разум, отказываясь верить, начал с опозданием анализировать увиденное.

Зал был огромным, круглым, похожим на древний храм или лабораторию. Высокий купол частично обвалился, и через провал были видны первые звёзды на темнеющем небе. Лучи света падали наискось, создавая движущиеся пыльные колонны. И в этих колоннах плавали странные механизмы. Они не лежали на полу, а висели в воздухе, неподвижные, будто в невесомости. Одни напоминали сросшиеся кристаллы аметиста и обсидиана, от которых исходило тусклое, пульсирующее свечение. Другие были похожи на клубки живых, извивающихся проводов, но сделанных из того же тёмного, полупрозрачного материала, что и корабль снаружи. Они медленно шевелились, словно дышали.

Вдоль стен, в нишах, стояли резные стелы из чёрного камня, покрытые письменами. Это не были буквы или иероглифы, которые он мог бы узнать. Это были спирали, углы, ломаные линии, которые, если смотреть на них слишком долго, начинали двигаться, вызывая лёгкую тошноту и резь в глазах. От них веяло такой древностью, что время рядом с ними казалось детской игрушкой.

А на полу, в беспорядке, словно после бегства или разграбления, лежали груды артефактов. Браслеты из того же матового металла, что и корабль, но с внутренним, голубоватым свечением, похожим на биолюминесценцию глубоководных существ. Маски — огромные, больше человеческого лица, с искажёнными, застывшими в немом крике чертами, отлитые из неизвестного сплава, холодные на ощупь даже на расстоянии. Каменные диски с вращающимися (или это игра света?) внутренними кольцами. Всё это было немым свидетельством цивилизации, которая не просто была другой, а существовала по иным законам, оставив после себя не кости и черепки, а вот эти странные, полуживые технологии.

Думан забыл на миг о преследователях, охваченный жадным, почти детским любопытством. Его рука сама потянулась к ближайшему браслету, лежавшему на обломке колонны. Но в этот момент он услышал звук. Не шаги. Мягкое, едва уловимое шуршание по камню, словно кто-то неслышно скользит в его сторону. Любопытство мгновенно испарилось, уступив место первобытному страху. Он вжался в стену, стараясь слиться с тенью, затаив дыхание. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно на весь зал.

Из тени за одним из висящих механизмов отделилась фигура. Одно из существ. Оно остановилось в луче света и просто смотрело на него. Без выражения, без намёка на эмоцию в этом лице-маске. Его чёрные глаза, казалось, не отражали, а поглощали свет, делая их ещё более пугающими. Думан почувствовал, как по спине, под мокрой от пота футболкой, бегут ледяные мурашки. Это был не просто страх перед неизвестным. Это было чувство глубокой, экзистенциальной неправильности. Как будто само место, эти существа, этот воздух — всё было ошибкой в коде реальности. Как будто законы мира, которые он знал с детства — гравитация, время, логика, — здесь дали трещину, и сквозь неё просачивалось нечто иное, чуждое и опасное.

Существо двинулось. Не было ни подготовки, ни выпада, ни изменения в позе. Оно просто оказалось перед ним, сократив несколько метров расстояния в мгновение ока. Его рука, слишком длинная и тонкая, с тремя суставами там, где у человека должен быть один, уже мчалась к голове Думана. Пальцы были длинными, костлявыми, и заканчивались не ногтями, а чем-то вроде острых, чёрных шипов.

Мир для Думана сузился до этой конечности. Он видел каждый миллиметр её приближения, видел, как свет играет на странной, гладкой коже, отдающей синевой. Мысли исчезли. Остался только животный ужас и инстинкт выживания. Но вместе со страхом, из самой глубины его существа, поднялась волна чего-то тёмного, горячего и непривычного. Ярость. Ярость загнанного в угол зверя. Ярость на весь этот абсурдный день, на свою беспомощность, на этих тварей, которые вторглись в его нормальную, скучную жизнь и всё перевернули. Это была чистая, нерациональная злоба, и она оказалась сильнее парализующего страха.

Он не думал. Тело среагировало само. Он инстинктивно присел, ощутив, как воздух над его макушкой взрезает удар. Шипы чуть задели прядь волос. И тогда, ещё находясь на корточках, он ударил сам. Всей силой отчаяния и накопленной за день злости, снизу вверх, кулаком в тощее, упругое тело прямо под грудной клеткой.

Раздался глухой, странный звук — не хруст и не шлёпок, а скорее удар по пустой, но прочной бочке из плотного пластика. Существо отшатнулось. Его плавное скольжение нарушилось, оно сделало один неровный шаг назад. И в этот миг его бездонные чёрные глаза сузились, став чуть меньше. Непонятно, что это было — удивление? Боль? Раздражение? Но это был признак того, что его можно задеть. Что оно не всесильно.

Думан не дал ему опомниться. Адреналин, который раньше только парализовывал, теперь пел в его крови гимном ярости. Он рванулся вперёд, нанося удар за ударом. Грубо, без искусства, без каких-либо знаний о боевых стойках или уязвимых точках. Просто дикая, хаотичная энергия, выплеск всей накопленной за шестнадцать лет подавленной агрессии на проваленные экзамены, непонимание родителей, свою собственную нерешительность. Он бил кулаками, локтями, однажды даже ударил головой в тощую грудную клетку. Он слышал, как хрустит что-то под его костяшками — не кость, а что-то твёрдое и хрупкое внутри существа. От его ударов тело твари слегка проминалось, как плотная резина, но явно получало повреждение. Оно отступало, его движения стали менее плавными, более резкими, оборонительными.

Одним особенно сильным ударом в «лицо» Думан заставил существо пошатнуться и упасть на одно колено. Это был шанс. Он занёс ногу для удара, чтобы добить, чтобы это кошмарное создание перестало существовать...

Но добить не удалось. Тишина зала, и без того зыбкая, вдруг наполнилась новыми звуками. Лёгкое шуршание, похожее на шелест сухих листьев, слышалось со всех сторон. Из других арочных проёмов, из тёмных уголков, из-за висящих механизмов появились новые фигуры. Десять. Двенадцать. Больше. Они выплывали из темноты, словно призраки, и их чёрные глаза были теперь устремлены только на него. Некоторые были выше, массивнее первых двух, и от них исходило почти осязаемое давление, чувство холода и пустоты. Они не спешили, они просто окружали его, медленно сжимая кольцо. Запах озона и металла усилился, смешавшись со сладковатым, неприятным ароматом, который, как понял Думан, исходил от самих существ.

Ярость тут же схлынула, как вода в песок, обнажив голый, леденящий ужас. Его дикие атаки ничего не значили против такого количества. Он оглянулся вокруг, ища выход. Его взгляд упал на полуразрушенную каменную лестницу, которая вела наверх, вдоль стены, на второй ярус, а оттуда, возможно, на крышу. Она была шаткой, некоторые ступени отсутствовали, но это был единственный путь.

Не раздумывая, Думан рванулся к ней. Существа двинулись следом, но не побежали — они ускорили своё скольжение, превратившись в размытые тени. Он влетел на лестницу, почти не чувствуя под ногами камня. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Сзади он слышал то самое шуршание, всё ближе. Он перепрыгивал через провалы, цеплялся за выступы, чувствуя, как острые края камня режут ладони. Вот он достиг второго яруса — узкой галереи, идущей по периметру зала. Не останавливаясь, он побежал по ней, пока не увидел ещё один короткий пролёт ступеней, ведущих к свету — к огромной дыре в стене, за которой виднелось уже почти ночное небо.

С последними силами он взбежал по этим ступеням и выскочил на крышу. Открытое пространство, холодный ветер, бьющий в лицо, и звёзды, такие далёкие и безразличные. И прямо перед ним, подавляя своими размерами, стоял инопланетный корабль. Теперь, вблизи, он казался ещё более грандиозным и нереальным. Его матовая поверхность впитывала звёздный свет, не отражая его. А сзади, на самом краю каменной площадки, зияла пропасть — обрыв в долину, глубиной в несколько десятков метров. Он оказался в ловушке. С одной стороны — бездна, с другой — корабль и выход обратно в зал, откуда уже выплывали его преследователи.

Существа вышли на крышу и снова, беззвучно, окружили его. Они не нападали сразу, будто давая ему осознать безнадёжность. Потом от группы отделилось одно, самое большое, на голову выше остальных. Оно даже не разбежалось. Просто согнуло ноги в странных, нечеловеческих суставах и совершило мощный прыжок прямо на него, покрывая расстояние в несколько метров за мгновение.

Время для Думана замедлилось. Он видел каждую деталь приближающейся тени: как свет скользит по её комбинезону, как её чёрные глаза сузились в щёлочки, как длинные руки с растопыренными шипастыми пальцами тянутся к нему. Он чувствовал холодный ветер с пропасти за спиной, обнимающий его, подталкивающий навстречу судьбе. Мысли были удивительно ясны: «Вот и всё. Так глупо. Никто и не узнает, где я пропал. Мама будет плакать». Он закрыл глаза, ожидая удара, падения, конца.

Но конца не последовало.

Раздался резкий, хлесткий звук, похожий на удар бича, но тише. Думан открыл глаза. Существо, находившееся в прыжке в метре от него, просто рассыпалось. Не исчезло — рассыпалось, как песчаная статуя, попавшая под сильный порыв ветра. На миллионы мерцающих, как пыль, частиц, которые тут же унесло потоками воздуха с крыши, растворив в ночи.

Позади Думана, там, где секунду назад была пустота и обрыв, стоял человек. Высокий, стройный, в длинном тёмном плаще, который не колыхался на ветру, будто сшитый из тяжёлой ткани или вовсе не подверженный его влиянию. Лицо — молодое, жёсткое, с острыми скулами, прямым носом и тонкими губами. На вид ему можно было дать лет двадцать пять, не больше. Но глаза... Глаза были старыми. Не в смысле морщин, а в смысле взгляда. В них была глубина, спокойствие и усталость, которые не свойственны молодым.

Он не принимал боевой стойки, даже не смотрел на Думана. Он просто стоял, и от него исходила... тишина. Не отсутствие звука — ветер всё ещё шумел, — а некое плотное, тяжелое поле тишины, которое подавляло всё вокруг, включая панический стук сердца Думана. Это была аура такой концентрированной, невероятной силы, что у юноши снова перехватило дыхание. Он чувствовал эту силу кожей — как статическое электричество, но в тысячу раз сильнее.

Незнакомец холодным, ясным взглядом, в котором отсвечивали далёкие звёзды, был прикован к оставшимся существам. Они замерли, их безэмоциональность, наконец, была нарушена. Они отступили на шаг, сгруппировавшись, чёрные глаза не отрываясь следили за новым врагом. А потом незнакомец просто... исчез. Его фигура дрогнула и растворилась в воздухе. И в тот же миг он появился уже в центре группы существ, спиной к Думану, оказавшись у них за спинами. Ни вспышки, ни звука телепортации — он был здесь, а теперь он там.

Его движения были смазанными, нереальными для глаза. Он не дрался в привычном понимании. Не было размашистых ударов, блоков, прыжков. Были касания. Лёгкие, почти невесомые касания кончиками пальцев к спине, к виску, к груди одного из существ. Щелчок пальцами в воздухе рядом с другим. Поворот головы в сторону третьего, будто в немом приказе. И с каждым его едва заметным движением одно из существ рассыпалось в прах, обращалось в пыль, исчезало в короткой, беззвучной вспышке холодного синего света. Это было стирание. Словно кто-то резинкой убирал ошибки с рисунка. За какие-то две-три секунды — двенадцать гуманоидов перестали существовать. На ветру остались лишь клубы странной серебристой пыли, которая быстро рассеялась.

Тишина вернулась, но теперь она была иной — звонкой, натянутой, как струна после резкого аккорда. Незнакомец стоял посреди пустой площадки, его плащ наконец дрогнул от порыва ветра. Он медленно повернулся к Думану. Его лицо по-прежнему не выражало ничего, кроме лёгкой сосредоточенности, будто он только что выполнил рутинную, немного утомительную работу.

Думан попытался что-то сказать. Выразить благодарность, излить шок, засыпать вопросами. Но из пересохшего горла не вышло ни звука. Он мог только смотреть широко раскрытыми глазами на этого человека, чувствуя себя букашкой перед титаном.

И тут ситуация снова изменилась. Со стороны гор, откуда пришёл Думан, показался новый корабль. Меньше первого, более угловатый, похожий на хищную стрекозу из тёмного металла. Он бесшумно выплыл из-за скального выступа и завис над долиной, направив свой

острый нос в их сторону. Снизу, в его брюхе, открылся люк, и оттуда хлынул конус багрового света, выхватывающий из темноты долины камни и развалины.

Думан снова почувствовал ледяной укол страха. Их было уже двое — этот человек и он. Справится ли он с кораблём?

И снова вмешательство пришло откуда не ждали. Сверху, с самой вершины одной из скал, окружавших долину, стремительно, как падающая звезда, спикировала вниз фигура. Длинные тёмные волосы развевались за ней как шлейф. Она падала с огромной скоростью, и казалось, вот-вот разобьётся о камни или о корпус корабля. Но в последний момент она выровняла траекторию и приземлилась прямо на корпус меньшего корабля на одно колено. Удар был на удивление тихим, но в момент касания от её ладони по матовой поверхности побежала паутина ярких, белых трещин, словно лёд под тяжёлым предметом. Затем она легко оттолкнулась, совершив в воздухе изящный кульбит, и отлетела в сторону, мягко приземлившись на крышу рядом с незнакомцем.

А корабль... Он не упал. Он взорвался изнутри. Не с оглушительным грохотом и огненным шаром, а с глухим, хлюпающим звуком, будто лопнул огромный пузырь. Его корпус осветился изнутри тем же багровым светом, потом треснул по линиям, оставленным девушкой, и рассыпался на облако мелких искр и обломков. Но даже эти обломки, не долетев до земли, начали таять, испаряться, оставляя после себя лишь тёмный дымок, который тут же развеял ветер.

Думан смотрел на девушку, не веря своим глазам. Она была поразительно красива, но красота эта была холодной и опасной, как лезвие бритвы. Тёмные, чуть раскосые глаза, полные спокойной уверенности, тонкие губы. На ней была практичная одежда тёмных тонов, не похожая ни на военную форму, ни на спортивный костюм. Она поправила сбившуюся прядь волос, и её движения были полны такой же нечеловеческой грации, как и у незнакомца.

Из того же пролома в стене, через который вбежал Думан, выбрался ещё один человек. Пожилой, с длинной седой бородой, заплетённой в две аккуратные косы, и добрыми, но сейчас очень взволнованными глазами. Он был одет в просторные одежды, напоминающие халаты восточного мудреца или монаха, сшитые из грубой, натуральной ткани. Он выглядел запыхавшимся и несколько растерянным, но на его лице читалась глубокая благодарность.

«Хранитель артефактов, — представился он, слегка кланяясь сначала незнакомцу, потом девушке. Его голос был тихим, но хорошо поставленным. — Благодарю вас, Алтай, Айсана. Своевременное, как всегда, появление». Затем его взгляд упал на Думана, и в глазах старца появилось искреннее, неподдельное изумление, смешанное с интересом учёного, наткнувшегося на уникальный феномен. «И особенно тебя, юноша. Твоё присутствие здесь — цепь невероятных случайностей... или закономерностей? Без капли внутренней силы, без подготовки, без знаний о природе скитальцев... и ты не только избежал поимки, но и одолел одного из них в схватке. Сила духа... это редкий, очень редкий дар. Часто он ценнее, чем врождённая магическая мощь».

Девушка по имени Айсана внимательно, с лёгким, отстранённым любопытством, рассмотрела Думана с головы до ног, будто оценивая не человека, а интересный артефакт. Её спутник, Алтай, наконец полностью повернулся к нему. Его пронизательный, сканирующий взгляд был тяжёл. Думану казалось, что этот человек видит не только его испачканное лицо

и порванную куртку, но и что-то гораздо глубже — его страх, его ярость, его смутные мысли. Этот взгляд заставлял внутренне съёжиться.

«Выбора у тебя не было, это понятно, — сказал Алтай. Его голос был низким, спокойным, бархатистым, но в нём, как стальная струна в глубине, чувствовалась непреклонная воля. — Бежать или сражаться — оба пути вели сюда, в эпицентр. Но вопрос теперь в другом». Он сделал небольшую паузу, давая словам улечься. «То, что ты видел — лишь вершина айсберга, высывающаяся из тумана неведения. Эти существа, скитальцы, они здесь давно. Не месяцы — года, а возможно, и дольше. Они не просто прилетают и улетают. Они живут в складках реальности, питаются жизненной силой, эмоциями. Они подменяют людей, сеют хаос в тени, готовя почву для чего-то большего. Таких как они очень много, они делятся на расы. Им противостоят не армии и правительства, которые ничего не знают и не хотят знать. Им противостоят мы. Разрозненные, немногочисленные, но знающие». Ещё одна пауза. Алтай смотрел Думану прямо в глаза. «Они теперь знают о тебе. Ты не просто свидетель. Ты активный участник, который нанёс им урон. Они не оставят это просто так. Твоя прежняя жизнь закончилась в тот момент, когда ты свернул с дороги домой». Он сделал шаг ближе, и от него снова повеяло той же сконцентрированной силой. «Поэтому выбор, который у тебя есть сейчас, — лишь иллюзия. Ты можешь вернуться в город, попытаться забыть. Но они найдут тебя. И тогда рядом не будет нас. Или... Хочешь присоединиться? Хочешь научиться понимать, что происходит? Хочешь получить силы не просто для выживания, но и для защиты других?»

Думан слушал, и слова падали в его сознание, как камни в пустой колодец, производя гулкий, болезненный звук. Он смотрел на место, где секунду назад было двенадцать существ, на девушку, разнёсшую корабль ударом ладони, на этого человека — Алтая, — от которого веяло мощью древних скал. А потом он посмотрел на свои руки. Сбитые в кровь костяшки пальцев, ссадины, грязь под ногтями. Он вспомнил слепой ужас, охвативший его в переулке, когда он увидел, как эти твари крадут что-то из бродяги. Вспомнил ярость, что вела его кулаки. Ощутил, как дрожат его колени от пост-адреналиновой слабости и глубокого, всепроникающего истощения. Он был просто школьником. Он боялся контрольных по физике, краснел, когда с ним заговаривала одноклассница. Его самыми большими врагами были скучный учебник и собственная лень. А здесь, в этом разрушенном храме под звёздами, от него ждали, что он будет сражаться с монстрами из кошмаров, учиться магии (это же она, да?) и стать частью какой-то тайной войны. Мысли путались, смешивались в комок. Страх говорил: «Беги!». Любопытство и остатки ярости шептали: «Узнай!». Но тело и душа были слишком измотаны.

«Нет, — выдохнул он наконец, и его голос прозвучал хрипло, чужим. — Нет, я... я не могу. Это слишком. Я не... я не такой сильный. Я не герой. Я просто... испугался и ударил. Всё». Он ждал насмешки, разочарования, гнева. Но Алтай не выглядел разочарованным. Он лишь слегка кивнул, как будто ожидал именно такого ответа. Как учитель, который дал сложную задачу и получил от слабого ученика честный ответ: «Не знаю». Айсана отвела взгляд к горизонту, и в её позе читалась лёгкая досада, но не удивление. Хранитель артефактов тихо вздохнул, в его глазах мелькнула грусть.

«Путь твой, — просто сказал Алтай. Его голос потерял металлическую нотку, став почти нейтральным. — Но запомни, что дверь, однажды открытая, уже не может захлопнуться навсегда. Мир, каким ты его знал, уже никогда не будет прежним. Ты её уже открыл».

Думану, казалось было всё равно. Сейчас он чувствовал только всепоглощающую усталость, желание оказаться в своей кровати, чтобы проснуться и понять, что это был длинный,

страшный сон. Он только глупо кивнул в ответ и, пошатываясь, побрёл прочь, к краю крыши, ища путь вниз, обратно в долину, к городу, к нормальности. Он оставлял за спиной руины, магов, корабли-призраки и эхо битвы, затихающее в разбитом вечере. Но Алтай, как показало будущее, оказался прав. Дверь захлопнуться уже не могла. Она лишь приоткрылась, и сквозь щель уже тянулись холодные пальцы иного мира, цепляясь за его душу.

Глава 2: Тени города

Следующие дни стали для Думана медленным, изнурительным кошмаром наяву. Физически он вернулся в свою жизнь: в тесную двухкомнатную квартиру на девятом этаже, где пахло папиными сигаретами и мамиными котлетами; в школу с её потёртыми партами и скучными голосами учителей; в компанию таких же потерянных друзей, чьи разговоры крутились вокруг игр, девочек и бессмысленного трёпа. Но внутри всё перевернулось. Он был подобен человеку, пережившему землетрясение: внешне всё стоит на старых местах, но фундамент дал трещины, и каждый шаг отдаётся глухой угрозой обвала. Он пытался цепляться за нормальность. Сидел на уроках, уставившись в учебник, где буквы плясали и не складывались в смысл. Делал домашние задания механически, выводя формулы дрожащей рукой. С друзьями смеялся над их шутками, но смех выходил деревянным, фальшивым. Всё его существо было настроено на иной, тревожный лад. Город не изменился. Изменилось его восприятие. Теперь он видел тварей повсюду.

Они больше не скрывались в горных руинах. Они были здесь, среди людей. Носили человеческие маски — буквально и фигурально. Для глаз, однажды открывшихся, эти маски были тонкой, полупрозрачной плёнкой, за которой мерцала истинная сущность. Он видел их на улицах: мужчина в дорогом костюме, ждущий такси, — в мимолетном блике на витрине магазина вместо его лица на долю секунды отражалось вытянутое, безносое подобие с чёрными глазами. Женщина, толкающая детскую коляску в парке, — её тень под ярким полуденным солнцем была негуманоидной, слишком длинной и угловатой. Продавец в ларьке с шаурмой — его движения были плавными, слишком плавными, как у тех существ в руинах, а когда он поворачивался спиной, его шея под воротником казалась неестественно гибкой.

Они вели себя как обычные люди — улыбались, разговаривали, торопились по делам. Но только до поры. Думан начал замечать закономерности. Они часто находились рядом с одинокими, уставшими, потерянными людьми. В переполненном автобусе «астральный скиталец» в облике старушки мог сидеть рядом с пьяным мужчиной, и тот к концу поездки становился бледнее, как будто с него стекали краски жизни. В очереди в магазине «человек» с пустым, стеклянным взглядом мог на секунду прикоснуться к плечу впереди стоящей девушки, и та вдруг вздрагивала, как от разряда тока, а потом выглядела смущённой и уставшей.

Самый страшный случай произошёл в узком, грязном переулке позади школы, куда Думан свернул, чтобы сократить путь домой. Он увидел двоих. Они стояли над бродягой, старым, грязным человеком в порванном пальто, который, видимо, искал в мусорных контейнерах что-то съедобное. Существа выглядели как молодые парни в худи, но их позы были слишком синхронными, а лица — застывшими. Один из них просто положил руку на плечо бродяги. Не грубо, почти по-дружески. Бродяга замер. Его глаза, мгновение назад живые и испуганные, остекленели, стали пустыми, как у рыбы на прилавке. Из его полуоткрытого рта, медленно, словно тягучий дым, потянулась тонкая, серебристая нить. Она переливалась, как жидкий металл или конденсированный свет. Второй «парень» наклонился и... вдохнул её. Его человеческая оболочка на миг дрогнула, стала чуть более плотной, реальной, налитой силой. Бродяга же беззвучно рухнул на землю, как пустая кукла, из которой вытащили каркас. Звук его падения — глухой удар тела о асфальт — был единственным, что нарушило тишину переулка.

Думан стоял, прижавшись спиной к холодной, шершавой стене гаража, в двадцати метрах от места действия. Он не мог пошевелиться. Его охватил парализующий ужас, ледяной и

всепоглощающий. В горле стоял ком, а в животе всё сжалось от тошноты. Он хотел закричать, броситься на помощь, сделать что угодно — но ноги были ватными, а разум твердил одно: «Ты не герой. Ты трус. Ты убежал тогда в горах и убегаешь сейчас. Они тебя сотрут, как того бродягу». Он мог только наблюдать, как твари, облизнувшись (у них даже был этот жуткий, нечеловеческий жест), спокойно, неспешно вышли из переулка и растворились в вечерней толпе на главной улице. Через несколько минут в переулок зашла пара прохожих, раздался женский испуганный вскрик, потом звонок в полицию. Думан, всё ещё дрожа, выбрался из своего укрытия и побрёл домой, слыша за спиной нарастающий шум. Позже в местных новостях мелькнула короткая заметка: «В районе школы №47 скончался мужчина без определённого места жительства. Предварительная причина — острая сердечная недостаточность».

Ночью сон не шёл. Он лежал в темноте, уставившись в потолок, где свет фонарей с улицы рисовал двигающиеся узоры. За закрытыми веками вспыхивали чёрные, бездонные глаза астральных скитальцев. В ушах стоял тот самый низкочастотный гул, хотя теперь он исходил, казалось, из его собственной головы. И сквозь весь этот ужас пробивалось другое ощущение — давящая, невероятная тишина, что исходила от Алтая. И слова старого хранителя, которые эхом отдавались в его черепе, как заевшая пластинка: «...редкий дар... Сила духа...»

Какой дар? Дар видеть кошмар там, где другие видят обыденность? Дар чувствовать себя беспомощным и загнанным в собственном городе? Дар знать, что под тонкой плёнкой реальности кишат паразиты, пьющие жизнь людей, и не мочь ничего сделать? Это был не дар, а проклятие.

Но после той ночи, когда он снова стал свидетелем «исчезновения» — на этот раз в городском парке, где скиталец в облике няни забрал что-то у плачущего, одинокого ребёнка, оставив его вялым и апатичным, — в Думане что-то надломилось окончательно. Это была не внезапная решимость героя, не вспышка ярости. Это было тихое, глухое отчаяние, опустившееся на дно души, как тяжёлый, холодный камень. Если это везде, если от этого не спрятаться, не закрыть глаза... то, может быть, единственный способ не сойти с ума — это перестать быть жертвой? Даже если шансов нет. Даже если это путь к гибели. Лучше уж знать, как с этим бороться, и пасть в бою, чем каждый день видеть, как крадут чьи-то жизни, и трусливо отводить взгляд.

В памяти всплыло, как Алтай представился. Имя. И вспомнился полусшепот хранителя артефактов, обращённый к нему в тот момент, когда он уже отворачивался, чтобы уйти. Старик наклонился и произнёс так тихо, что слова едва долетели: «Академия на восточном выезде, за старым каменным мостом через речку. Ищи ворота без вывески. Если передумаешь...»

Найти её оказалось проще, чем он думал, и одновременно — сложнее. Старый каменный мост был известным местом, полуразрушенным памятником архитектуры, откуда местная молодёжь любила нырять в реку летом. За ним начиналась заброшенная промзона, поросшая бурьяном и усеянная полуразрушенными цехами дореволюционной постройки. Среди этого запустения, в стороне от основной дороги, стояла усадьба. Она резко контрастировала с окружением: большое, внушительное здание в неоготическом стиле из тёмного, почти чёрного кирпича, с остроконечными башенками, стрельчатыми окнами и сложным каменным узором по фасаду. Оно было обнесено высоким, глухим забором из того же тёмного камня. Никаких табличек, указателей, домофонов. Казалось, это просто ещё один заброшенный объект, купленный когда-то чудаком-бизнесменом и брошенный на произвол судьбы. Думан стоял перед массивными коваными воротами, украшенными сложным, абстрактным узором из переплетающихся линий. Сердце снова бешено колотилось, но теперь это был не только страх, но и

предвкушение, смешанное с последними сомнениями. «Передумаешь...» Он передумал. Сейчас или никогда. Он подошёл к воротам, не зная, что делать дальше — стучать, искать звонок? Он просто положил ладонь на холодный металл с намерением войти, попробовать толкнуть створки.

И воздух перед ним задрожал. Не сильно, едва заметно, как дрожит воздух над раскалённым асфальтом. Но он это почувствовал кожей лица. И тогда ворота открылись. Он шагнул внутрь, и, оглянувшись, увидел, как ворота снова обретают форму, становясь непроницаемым барьером. Двор поражал. Внешнее запустение было обманом. Здесь царил идеальный порядок. Аккуратно подстриженные газоны, цветущие клумбы с растениями, которых Думан никогда не видел — они отливали серебром и легкой голубизной. Дорожки, выложенные белым камнем. И в центре — то самое главное здание, которое вблизи выглядело ещё более величественным и древним, чем казалось снаружи. В его стрельчатых окнах горел тёплый, жёлтый свет.

Двери главного входа были деревянными, резными, и открылись сами, как только он приблизился. Внутри его встретило фойе, больше похожее на холл старинного европейского университета, чем на школу магии (а чем ещё это могло быть?). Высокие потолки с дубовыми балками, стены, облицованные тёмным деревом и камнем, огромный камин, в котором, несмотря на летний вечер, пылал огонь. Но не обычный — пламя было синеватым, почти белым, и не издавало треска, лишь тихое, убаюкивающее гудение. От него не исходило тепла в привычном понимании, скорее, чувствовалась лёгкая, освежающая энергия, наполняющая пространство. У камина, спиной к нему, стоял Алтай. Он был в простой тёмной одежде, без плаща, и выглядел менее грозно, более... человечно. Но аура силы вокруг него ощущалась по-прежнему.

«Наконец-то, — сказал Алтай, не оборачиваясь. Голос его звучал в тишине зала чётко и ровно, без предисловий. — Я начал думать, что ошибся в тебе. Что страх перевесил любопытство и гнев. Но ты здесь. Это главное». Он, наконец, повернулся. Его лицо было серьёзным, но не суровым. В глазах читалась усталость и что-то ещё — ожидание? «Добро пожаловать в Академию, Думан. С этого момента я буду твоим наставником».

Думан открыл рот. Вопросов было миллион: «Что это за место? Кто вы на самом деле? Почему я? Что будет со мной?» Но Алтай, словно прочитав его мысли, мягко, но твёрдо поднял руку, останавливая поток.

«Позже. Всё позже. Сначала познакомься с тем, кто будет задавать тебе планку на первых порах. И, возможно, станет эталоном, к которому ты будешь стремиться — или раздражающей помехой, которую захочешь превзойти». Он сделал шаг в сторону, освобождая обзор.

Из-за его спины, из тени колонны, вышла Айсана. Она была в простой, удобной тренировочной форме серого цвета, но даже в ней выглядела не менее внушительно и опасно, чем в тот вечер на руинах. Её длинные волосы были собраны в тугий хвост, подчёркивая строгие черты лица. Её присутствие не просто заполняло пространство — оно его структурировало, делало воздух плотнее, а свет — ярче. Она молча смотрела на Думана, и в её тёмных глазах не было ни дружелюбия, ни враждебности. Была лишь оценка. Холодная, беспристрастная оценка ресурса.

«Айсана, — представил её Алтай, и в его голосе прозвучала лёгкая, едва уловимая нота гордости. — Мой лучшая подруга. И, без ложной скромности, сильнейший практик боев в стенах этой Академии. Возможно, и за её пределами тоже».

Думан невольно вытарашил глаза. Сильнейшая? Женщина? В том мире боевых искусств и магии, который он начал себе смутно представлять после увиденного, это казалось... необычным. Неправильным. В его голове, воспитанной на боевиках и стереотипах, сильнейший маг должен был быть седовласым стариком или, на худой конец, мускулистым мужчиной вроде Алтая. Айсана поймала его взгляд и слегка, едва заметно, приподняла одну бровь. Не насмешка, а скорее... понимание. Как будто она видела этот поток предрассудков в его голове и уже была к нему привыкла. Ему стало жарко и неловко, он потупил взгляд.

«Не суди по обложке, новичок, — мягко сказал Алтай, но в его ровном тоне прозвучало ясное, недвусмысленное предупреждение. — Сила не имеет пола. Или возраста. Или социального статуса. Она имеет лишь волю, понимание и умение направлять. Айсана понимает природу магий, его потоки, лучше, чем кто-либо, кого я знаю. Забудь свои стереотипы. Они здесь — смертельно опасная помеха».

«Не смущай его, — впервые заговорила Айсана. Её голос был низким, мелодичным, но лишённым какой-либо теплоты. Он был как чистый, холодный родник. — У него и так в глазах каша от всего, что он увидел за последние дни. Теория и объяснения подождут. Практика всё расставит по местам лучше любых слов. Говорили о совместной тренировке для начала?»

«Сразу?» — вырвалось у Думана. Он снова посмотрел на Айсану, на её собранную, готовую к действию позу, и мысленно представил себя в роли боксёрской груши. Это казалось безумием.

«Лучший способ научиться плавать — быть брошенным в воду, — философски заметил Алтай, и в уголках его глаз появились лёгкие морщинки, похожие на улыбку. — Разумеется, при условии, что рядом есть тот, кто не даст утонуть с первого раза. В нашем случае — не даст разобраться на молекулы или потеряться в ином измерении. Пойдём».

Они провели его через лабиринт коридоров, мимо дверей с непонятными символами, мимо стен, украшенных не картинами, а висящими в воздухе голограммами сложных геометрических фигур и звёздных карт. Наконец, они вошли в тренировочный зал, и Думан замер на пороге, поражённый. Зал был колоссальным. Его купол был полностью прозрачным, и сквозь него лился последний свет заката, окрашивая всё в багровые и золотые тона. Пол был покрыт не деревянными панелями или матами, а мягким, упругим материалом, который менял цвет в месте касания — от тёмно-синего до серебристого. По стенам висело не оружие, а странные кристаллические структуры, которые тихо горели изнутри, и сложные диаграммы, изображающие многомерные фигуры, от которых рябило в глазах. Воздух был наполнен лёгким запахом озона и чего-то цветочного, и в нём плавали крошечные, светящиеся частицы, похожие на пыльцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.